DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: АДАПТАЦИЯ АКТОРОВ К СТРУКТУРНЫМ РЕАЛИЯМ

И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов

САФРАНЧУК Иван Алексеевич, кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России; доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; **ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович**, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: flukyanov@hse.ru

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям. – Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14-25. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03

Сафранчуком И.А. статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-04.

Статья поступила в редакцию: 28.04.2021. Принята к публикации: 17.05.2021

Аннотация. Настоящая публикация развивает основные положения статьи "Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав" (Полис № 3, 2021). Системообразующей характеристикой современной международной системы является противоречие между по-прежнему очень высоким уровнем материальной взаимосвязанности государств и их быстро растущей идейно-этической неоднородностью. Тесная взаимозависимость субъектов с конфликтующим мировоззрением порождает рост напряженности, которую не удается снизить в рамках привычных подходов – реалистского и либерального. Более того, само противостояние этих подходов служит катализатором противоречий. По ряду причин подобная ситуация представляет собой не переходный момент на пути формирования нового упорядоченного мироустройства, а устойчивое состояние международных отношений, как минимум, на среднесрочную перспективу. Такое положение чревато нарастанием рисков разрушительных столкновений, поэтому требуется принципиально новый метод обеспечения мировой стабильности. Авторы полагают, что продуктивным направлением стало бы изучение цивилизационного подхода, поскольку в сложившихся обстоятельствах именно взаимодействие цивилизаций, несмотря на достаточно размытые контуры этого понятия, может позволить снизить общий уровень напряженности: цивилизации в меньшей степени склонны секьюритизировать различные сферы политики и менее других субъектов опасаются попасть под внешнее влияние.

Ключевые слова: мировой порядок, глобализация, регионализация, цивилизации.

Исходные положения авторов состоят в том, что структурные реалии, сложившиеся в мире, являются не переходным, а устойчивым состоянием международной системы, их главная особенность – несоответствие степени материальной глобальности (по-прежнему высокой) и идейной гомогенности (быстро снижающейся) [Лукьянов и др. 2020: 20-21; Safranchuk 2020]. Несмотря на замедление процесса глобализации с конца 2000-х годов, мир остается материально связанным и взаимозависимым. Но мощный тренд идейной универсализации, который нарастал последние два-три столетия

параллельно с материальной глобализацией и достиг апогея в начале XXI в., не просто прервался, а обратился вспять.

В статье "Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав" [Сафранчук, Лукьянов 2021] были рассмотрены особенности конкуренции в таких условиях. В материально глобальном и идейно негомогенном мире тесно связанными друг с другом оказываются все более различающиеся акторы, а это ведет к избыточной секьюритизации текущей повестки дня: внутренней мобилизации и поиску внешних врагов, – и создает мощный импульс для соперничества. Идейная неоднородность усугубляет разногласия, а материальная связанность ограничивает масштаб эскалации.

Развивая эти тезисы в настоящей статье, авторы показывают, что с начала XXI в. нарастает кризис позитивистской модели прогресса. И с этим кризисом не справляются два основных типа субъектов мировой политики, которые представляют в современном мире большие группы людей и несут ответственность за социальное развитие и общее благо, – национальные государства и международные (глобальные) институты.

В литературе ведется обширная дискуссия о необходимости передачи больш*и*х полномочий на глобальный уровень или, наоборот, укрепления национальных акторов [Kaplan 2013; Acharya 2014; Mead 2014; Ikenberry 2014; Yang, Chen 2021; Бляхер 2021]. Однако, исходя из приведенных выше положений, и то, и другое требует существенного изменения структурных реалий. Чтобы национальные акторы стали более дееспособными, что предполагает реалистская парадигма, требуется значительная материальная деглобализация. А чтобы в полную силу заработали глобальные институты (на которые рассчитывает неолиберализм), необходимо восстановление единой идейно-этической базы, значительная реуниверсализация мировоззренческих подходов.

Авторы полагают, что, как минимум, в среднесрочной перспективе современные структурные реалии устойчивы, так как мировые игроки не способны сделать решающий выбор ни в сторону материальной деглобализации, ни в сторону идейной реуниверсализации. Ограниченную эффективность сохранят и традиционные национальные государства, и глобальные институты. В связи с этим авторы ставят следующий исследовательский вопрос: какие характеристики позволят актору быть успешным в структурных реалиях современного мира и какая эволюция обеспечит приобретение таких характеристик?

БЕЗОПАСНОСТЬ, РАЗВИТИЕ, СВОБОДА: УТРАЧЕННЫЙ БАЛАНС

В Новое время прогресс (в широком смысле этого слова) стал пониматься как отдаление людей от естественного, природного состояния, а также избавление от метафизических догм, связанных с верой в высшие силы. Человек стал центральным элементом в понимании прогресса [Cassirer 2009]. Создание материально-технических средств и форм социальной организации, которые способствуют расширению пространства человеческого (а не природного или метафизического), стало поэтому неотъемлемой и необходимой частью прогресса.

В XX в., несмотря на мировые войны и потрясения, а может быть, отчасти и по причине их (поскольку катастрофические события критически осмысливались в основном в либеральной парадигме сотрудничества), человечество сделало огромный шаг в сторону прогресса. Доминировало понимание того,

что инклюзивное экономическое развитие, т.е. рост материального благосостояния широких масс, безопасность, свобода – все это взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы прогресса. Материальное благосостояние делает менее острой борьбу за ресурсы и "жизненное пространство", а значит, снижает конфликтогенность и повышает безопасность. Безопасность, в свою очередь, дает возможность сконцентрировать ресурсы на собственном развитии, а не на борьбе с внешними врагами. Свобода же позволяет на индивидуальном уровне раскрыть творческий потенциал, а на уровне общества – способность к модернизации. Это создает условия для роста материального благосостояния, а общественную свободу проще сохранять, когда высок уровень безопасности и материального благополучия. Конечно, споры вокруг различных элементов прогресса шли всегда, но долго казалось, что в совокупности они гарантируют постоянное, хотя и с циклическими кризисами, движение вперед. Но в начале XXI в. различные элементы развития вступили в состояние усугубляющегося дисбаланса.

Атаки террористов на США в 2001 г. бросили вызов глобальной безопасности. Террористы воспользовались достижениями глобализации: в их распоряжении находилась глобальная транспортная, финансовая и другие инфраструктуры, уязвимые для злоупотреблений. Первоначально могло казаться, что международные террористические сети – остаточные явления холодной войны. "Плохие парни", оставленные после ее окончания без опеки разведслужб больших держав, не просто выжили, но и окрепли в региональных и локальных конфликтах, где действовали в качестве автономной и неуправляемой деструктивной силы. Однако такие объяснения быстро сменились другими. Исследователи заговорили о силах, которые не принимают ставший глобальным европейский Модерн и готовы вести против него настоящую войну (в основном оборонительную, но с мощными контратаками), а, возможно, предложить и собственный "большой проект".

На фоне такой смены настроений прежний настрой на объединение усилий мирового сообщества не укрепился, а наоборот, как ни покажется парадоксальным, стал угасать. Примечательно, что адепты либеральной глобализации выступали против интерпретации глобальной войны с терроризмом как экзистенциональной и цивилизационной [Brzezinski 2004: 28-29]. Действительно, такие толкования не сплотили мировое сообщество, а внесли вклад в его разобщение. И это стало проявляться не только в вопросах контртерроризма, но и по отношению к прочим глобальным проблемам. На рубеже 2000-х и 2010-х годов стали все более заметны ценностные расхождения [Stuenkel 2016; Denisov 2016; Маркедонов, Окунев 2020; Coker 2019; Сушенцов 2020] и поиск индивидуальных (или группами государств) ответов на глобальные вызовы. Этот тренд набрал такую силу, что к концу 2010-х годов даже зеленую повестку, казалось бы, всеобщую по определению, стали все более убедительно интерпретировать не только в глобалистско-либеральной, но и в реалистско-национальной парадигме [Lieven 2020]. Практическая политика дает этому все больше оснований, в том числе и потому, что зеленая повестка становится частью внутриполитической жизни государств[1].

[1] Gardiner B. 2019. For Europe's Far-Right Parties, Climate Is a New Battleground. – *Yale School of the Environment.* 29.10. https://e360.yale.edu/features/for-europes-far-right-parties-climate-is-a-new-battleground (accessed 01.06.2021).

2008-2009 гг. стали стресс-тестом уже для глобальной экономики. Снятие разделительных линий и политических ограничений времен холодной войны, как казалось, открывало для многих незападных стран большие экономические возможности [Олейнов 2018]. Однако 1990-е годы оправдали такие ожидания не полностью: в разных частях мира возникли сложности с демократическим транзитом, проявилась проблема несостоявшихся государств (*failed states*). И все-таки из опыта девяностых делали вывод, что проблема заключатся не столько в обеспечении мирового роста (он как раз был), а в более справедливом распределении его плодов – в "хорошей глобализации" [Stiglitz 2003]. В противном случае общий рост только усиливал дисбалансы и перекосы в мировой экономике, а не стимулировал их выправление. Период высоких цен на полезные ископаемые действительно способствовал улучшению количественных и качественных экономических показателей в развивающихся странах: прежде всего в Индии и Китае, но и в других – России, остальных странах БРИКС и "Большой двадцатки". Казалось, что окончательно доказана эффективность определенной политико-экономической модели: опыт Японии, Республики Корея, быстрый рост в Китае и "чудо" азиатских тигров – все это показывало, что при разумной домашней экономической политике и интеграции в мировую экономическую систему любая страна способна совершить прорыв в развитии.

Глобальный экономический кризис 2008-2009 гг. продемонстрировал, что мировые дисбалансы не просто сохраняются, но могут и усугубляться. А в 2010-е годы выяснилось, что политические условия и экономическая конъюнктура, при которых стало возможно возвышение новых игроков, исчезают по мере замедления мировой экономики [Business as Usual... 2011]. Социальная, а значит и политическая стабильность многих стран, зиждется на экономическом росте: без него или при его недостаточности обостряются все внутренние противоречия, что и происходило в разных частях мира на протяжении второй половины 2010-х годов, причем не только в развивающихся, но – прежде всего – в развитых странах. Последнее имело намного более явное воздействие на изменение всеобщего нарратива, поскольку источником сомнений в целесообразности глобализации и даже сопротивления ей стали общества стран, которые изначально как раз и выступали флагманами глобального развития. Это повсеместно подталкивает политиков добиваться экономического подъема не за счет участия в общемировом росте, а самостоятельно, в итоге – за счет других. Происходит национализация глобальной экономической повестки [Popov, Sundaram 2017].

Процесс национализации дискурсов безопасности и экономического развития логически вернул идею соперничества великих держав. Всю вторую половину 2010-х годов шла борьба двух основных интеллектуальных течений в описании мироустройства – либерального мирового порядка и великодержавного соперничества (это стало новым практическим измерением теоретических разногласий между неолибералами и неореалистами). Их спор выявил следующее: ни та, ни другая интерпретация не могут предложить приемлемый вариант совмещения интересов безопасности и экономического развития.

К концу 2010-х годов оформились контуры дилеммы: безопасность и суверенитет – с одной стороны, развитие – с другой. В условиях нарастающей идейной неуниверсальности либеральный миропорядок не может не вступать в противоречие с суверенитетом и толкованием безопасности очень многих

государств. А соперничество великих держав подталкивает к деглобализации и несет риски для социально-экономических моделей развития. Совмещение задач обеспечения суверенитета-безопасности и социально-экономического развития – проблема, которая встала и перед странами коллективного Запада, и перед десятками развивающихся государств, особенно крупных.

Кроме этого, интересы экономического развития и безопасности вступили в противоречие и с понятием свободы. Обострение проблем безопасности в начале XXI в., о которых говорилось выше, потребовало ограничения свобод ради общего блага, в том числе безопасности. Дилемма "безопасность или свобода" порождала дискуссии, но в ней было возможно находить баланс компромиссов в условиях, пока в мире сохранялся мощный тренд универсализации. Когда же он обернулся вспять, ограничение себя ради общего блага (как во внутренней политике, так и на международной арене) перестает быть привлекательным способом действия, скорее, появляется склонность ограничить других ради собственного блага. И это обостряет все проблемы, связанные с добровольными и недобровольными, инклюзивными и эксклюзивными ассоциациями, а в конечном счете мешает сотрудничеству. В результате сложились предпосылки для инверсии в понимании свободы, что и произошло в 2020 г.

В период пандемии COVID-19 пробудилось глубинное, архаичное понимание свободы: не *свободы разума* на принципах Просвещения, а *свободы воли* на базе природных инстинктов. Первое понимание не только допускает, но в современных условиях зачастую приветствует и поощряет физические ограничения ради общего блага в организованном коллективном пространстве [Patterson 1992]. Второе – инстинктивный протест против любой "клетки" или "веревки", как и у любого существа в дикой, социально неорганизованной природе. На практике в ответ на вызов пандемии либералы выступали за жесткие ограничения ради общего блага, а консерваторы им сопротивлялись, ставя в приоритет личный выбор и свободу.

Эта дилемма, порожденная распространением инфекции, обострила еще одно противоречие, проявившееся в 2010-е годы в связи с подъемом так называемого популизма. Речь о понимании демократии как системы правил и институтов, нацеленных в возрастающей степени на защиту интересов меньшинств (либеральный подход) либо как максимальная нацеленность на реализацию воли большинства (правоконсервативный взгляд). Приверженцы первой трактовки считают вторую откатом к варварству, а приверженцы второй видят в первой наступление тирании [Norris 2021].

Таким образом, три базовых компонента – безопасность, экономическое развитие (как общее благо) и свобода – в значительной степени разбалансированы: они вступают друг с другом в противоречие как по отдельности, так и в разных комбинациях, и на национальном, и на глобальном уровне. Национальные государства и глобальные институты оказываются неспособны синхронизировать базовые интересы безопасности, развития и свободы. Причем неспособность носит не временный, переходный характер, а становится устойчивой. В результате в практической политике наблюдается парадоксальная, на первый взгляд, картина – на фоне деклараций о необходимости общих усилий происходит обособление и национализация (а иногда регионализация) основных международных сюжетов, что особенно проявилось в период пандемии [Sakwa 2020: 139-143; Hrabina 2021; Chebankova, Dutkiewicz 2021].

Гармония цивилизаций вместо столкновения

Дискуссия о преимуществах и недостатках глобальных и национальных акторов традиционно сводится к следующему. Национальные государства по своей природе не способны эффективно регулировать глобальные процессы (а в глобальном мире они во многом не способны решать и свои внутренние дела), а международные и глобальные организации не имеют легитимности, которой обладают национальные институты. Последнее ставит вопросы о представительстве, инклюзивности и эксклюзивности, монополии на силу, и, в конечном счете, о свободе. Спор бесконечен и вряд ли разрешим в современных структурных реалиях. Чтобы более дееспособными оказались национальные акторы (пожелание реалистов), требуется значительная материальная деглобализация. А чтобы на практике в полную силу заработали либеральные представления о глобальных институтах – необходима значительная идейная реуниверсализация.

Однако при сохранении современных структурных реалий на длительную перспективу возможна сначала спонтанная, а затем и более упорядоченная трансформация форм организации обществ и их взаимодействия между собой на мировом уровне. Новый тип акторов должен быть способен к широкому общемировому взаимодействию, обладая в то же время высокой степенью устойчивости к внешнему влиянию.

На рубеже XX и XXI вв. обратили внимание на то, что все чаще большие территории выпадают из организованной международной системы и становятся пространством хаоса, нестабильности и рисков для других. Некоторые авторы подчеркивали, что это явление может носить не временный, а устойчивый характер. Те, кто так считал (в основном британские исследователи), предлагали посмотреть на опыт империй [Hutton 2002; Harvey 2003; Ferguson 2003]. Они утверждали, что Британская империя справлялась с организацией мирового пространства лучше, чем США как мировой лидер, глобальные институты или слабые национальные правительства. Тогда эта дискуссия, по сути, сводилась к тому, как справиться с издержками глобализации, включить в упорядоченное мировое пространство "отстающих". В рамках нашей темы нельзя не отметить, что исторически империи действительно вносили значительный вклад в материальную глобализацию, старались поддерживать внутреннюю устойчивость и гомогенность, противопоставляя себя "другим" на мировой арене. В конечном же счете исторический опыт империй скорее негативный: в условиях обширной географической экспансии они теряли внутреннюю устойчивость – прежде всего за счет утраты гомогенности.

В конце XX в. и особенно в XXI в. развитие получили региональные интеграционные объединения. Для концептуализации этого явления был сформулирован подход "нового регионализма". Доминировал взгляд, что он "более экстравертный, чем интровертный" [Söderbaum 2003: 5]. Прежде делался упор на протекционизм и приоритет торговли внутри регионального объединения, а новый подход подразумевал гораздо большую открытость без ограничения внешней конкуренции. Иными словами, первое предполагает объединение для отгораживания от внешнего мира, а второе – создание "фракции" для успешного участия в глобальной конкуренции. Новый регионализм существенно отличается от наиболее радикальных взглядов на либеральный мировой порядок. Например, от глобального "плоского мира" [Friedman 2007] – по сути, сети с прямыми связями между разнообразными и несимметричными

субъектами, в которой вовсе отсутствует функциональная роль для иерархических структур.

В условиях нарастающей идейной неуниверсальности мир уже вряд ли станет "плоским". В последнее десятилетие укрепилась точка зрения, что основными субъектами глобализации будут региональные объединения [Katzenstein 1996; Kupchan 2013; Lukin 2014; Telo 2016; Лисоволик 2019; Воротников и др. 2020; Sushentsov, Wohlforth 2020]; они выступят "провайдерами", давая доступ к глобальному миру десяткам малых и средних государств. Впрочем, региональные интеграционные объединения занимаются в первую очередь экономической сферой. Опыт даже самого продвинутого интеграционного объединения, ЕС (до сих пор воспринимаемого многими как модель), свидетельствует, сколь непросто преодолеть инерцию такого подхода. Распространение интеграционной политики ЕС за пределы экономической сферы (на социальную и политическую области), формирование на этой основе по-настоящему общего внутреннего пространства и единой субъектности в отношениях с внешним миром – процесс сложный, занимающий продолжительное время и, не исключено, обратимый.

Варианты внутренней социальной организации и обоснования субъектности во взаимодействиях с внешним миром может предложить цивилизационный подход. Есть разные взгляды на то, что такое цивилизации и сколько их в современном мире [Тойнби 2001; Ясперс 1991; Huntington 1996; Хорос 2017]. Однако при всей разнице интерпретаций за понятием "цивилизация" закрепилась смысловая нагрузка, которая наиболее четко проявляется при противопоставлении "цивилизации" другим понятиям и отличительные черты которой как раз интересны в контексте настоящей статьи.

Цивилизационные начала противопоставляются природным, т.е. цивилизация – продукт социального развития, то, что создано самим человеком, а не является частью дикой природы, в самом общем виде это продукт человеческой культуры. Цивилизационное также противопоставляется практическому: последнее относится к чему-то более изменчивому и менее длительному во времени. Цивилизационное же подразумевает учет нематериальных факторов долгосрочного и устойчивого характера, как, к примеру, в подходе "*longue durée*" [Braudel 1995]: цивилизация задает характер эволюции. Цивилизационное противопоставляется и универсальному. Наконец, цивилизации противопоставляются национализму, они воспринимаются как что-то большее по масштабу и более долгосрочное, чем нации и национальные государства [Toynbee 1946]: нация – общность по территории и крови, цивилизации же формируют идентичность на основе нематериальных компонентов, устойчивые исторические формы для цивилизации – культура и религия.

Сложилось две основные позиции по поводу того, каким может быть характер межцивилизацонных отношений. Одни ожидают столкновения цивилизаций [Huntington 1996], другие считают, что в полицентричном мире их диалог поможет избежать конфликтов [Petito 2016; Chebankova 2021]. С нашей точки зрения, такие подходы не отражают особенности отношений между цивилизациями как субъектами, а применяют к ним традиционные реалистские и идеалистические подходы. В духе классических реалистов Хантингтон видел, что субъекты международных отношений обречены на столкновение, и цивилизационные начала просто становятся его новой формой. В то же вре-

мя в подходе, именуемом “диалогом цивилизаций”, присутствует ярко выраженное идеалистическое содержание, оно предполагает, что при правильном поведении (взаимном уважении цивилизационных культурных основ) будут иметь место гармоничные межцивилизационные отношения.

Цивилизации можно рассматривать как субъекты, обладающие настолько отличительными особенностями, что именно их различия и определяют характер их взаимоотношений. Цивилизации описываются как долгосрочные и устойчивые социальные конструкции, где гармонично соединены исторические идентичности, связанные с территорией и культурой. Соответственно, они настолько особенные, что в процессе взаимодействия фактически устойчиво сохраняют свою особость без сползания к изоляционизму: сама суть цивилизации предполагает, что она не склонна поддаваться цивилизационному влиянию других и устойчива к культурной диффузии при взаимодействии с другими.

Материально глобальный и идейно неуниверсальный мир, основные субъекты которого – крупные цивилизационные объединения, мог бы быть стабильным. Цивилизационные объединения по определению не имеют экзистенциональных рисков в настоящем. Это “глыбы” с долгой и глубокой исторической колеей, инертные и малоподвижные. А значит, они не должны быть склонны к избыточной секьюритизации текущей повестки дня – внутренней мобилизации и поиску внешних врагов. К тому же, они ценят свою историческую уникальность, то есть не стремятся превратить “свое” в универсальное, не навязывают “свое” другим, и одновременно в высшей степени резистентны при соприкосновении с “чужим”. В отношениях таких акторов идейный компонент объективно сводится к минимуму. Другими словами, мирные отношений между цивилизациями – результат не их диалога, а отсутствия надобности в нем. При этом такие субъекты могли бы оставаться взаимосвязаны практической повесткой в материально глобальном мире, что делало бы отношения разных акторов, как ни парадоксально, в высшей степени прагматичными и рациональными.

Заключение

Сочетание материальной глобальности и идейной неуниверсальности, несоответствие степени одного и другого (для существующего уровня материальной глобальности мир слишком многообразен в идейном плане и, наоборот, для прогрессирующей идейной деуниверсализации – чрезмерно взаимозависим) является устойчивым структурным элементом. Это формирует сложные противоречия и дилеммы, с которыми сталкиваются акторы на международной арене и которые неразрешимы ни для традиционных национальных государств, ни для международных и глобальных институтов. Более рациональным представляется целенаправленное изменение структурных реалий, и в современном мире можно видеть консолидацию либералов-глобалистов, как и их оппонентов консерваторов-националистов. Они тянут в разные стороны: первые сопротивляются материальной деглобализации и не оставляют надежды перезапустить идеаторную универсализацию, вторые не приемлют реуниверсализации и готовятся к материальной деглобализации. Впрочем, деятельное изменение современных структурных реалий вряд ли возможно в кратко- и среднесрочной перспективе, поскольку либералы-глобалисты и консерваторы-националисты в мировых центрах не могут одолеть друг друга, а десятки развивающихся государств не готовы поддержать ни один из этих проектов.

В таких условиях возможно приспособление акторов к современным структурным реалиям, их трансформация с целью обретения характеристик, которые снижали бы для них негативный эффект существующих структурных реалий. Точнее говоря, оно даже необходимо, чтобы снизить быстро растущую напряженность в мировой политике. Обращение к историческим паттернам империй (прежде всего, Британской) и их применение в современной практике может быть одним из вариантом такой трансформации[2]. Другой вариант – региональные интеграционные объединения. Однако наиболее естественной формой социальной организации обществ в современных структурных реалиях и наименее конфликтогенной при взаимодействии на мировой арене может быть как раз цивилизационная форма.

Цивилизационные идентичности более масштабны, чем национальные, они противостоят универсализму и имеют в своей основе мощный исторический культурный компонент. По своей сути цивилизации долгосрочны и устойчивы, склонны к сосуществованию, а не активному соперничеству. С акторами в виде сообществ, построенных на прочных цивилизационных началах, материально глобальный и идеаторно неуниверсальный мир мог бы быть гармоничным и стабильным. Разные субъекты не чувствовали бы опасности от взаимосвязи друг с другом.

Необходимо признать практические ограничения нашего анализа. Такой идеальной конструкции, как мир цивилизационных субъектов, сейчас нет. Цивилизационная идентичность – явление сложное и по определению не вполне четкое, с трудом поддающееся формализации. Процесс складывания цивилизационной идентичности – это одновременно включение одних и обособление от других. По обеим этим линиям неизбежно сопротивление и региональные конфликты. Несмотря на ослабление национальных идентичностей за десятилетия материальной глобализации и идейной универсализации, они остаются достаточно сильными и востребованными, поскольку политикам легче всего их инструментализировать. Коллизия цивилизационных и национальных идентичностей при попытках сделать упор на первые практически неизбежна. И, естественно, цивилизационные субъекты не могут не встречать сопротивление со стороны тех, кто разделяет универсалистские устремления. Особенно учитывая тот факт, что идейно-этический универсализм долгое время служил наиболее эффективным инструментом проведения политики Запада, и отказ от него еще более ослабит западные возможности влияния. Соответственно, этот момент попытаются максимально отсрочить.

Однако в теоретическом плане наш подход открывает возможность для нового взгляда на проблематику сотрудничества, а также для новых подходов к решению региональных проблем. Последние часто являются следствием распада империй, на месте которых не возникло достаточно устойчивых государственных образований. Восстановление имперских общностей невозможно, как и окончательное культурно-идеологическое размежевание. Регионализация на основе цивилизационного подхода могла бы стать “третьим путем”.

[2] Вопрос о формах управления, наследующих имперским, актуален для многих территорий. Пространство бывшего СССР не является исключением. Кризис многих из новых государственностей, образовавшихся на этом пространстве, вкупе с фундаментальными изменениями геополитического окружения заставляет задуматься о новых способах стабилизации постсоветской сферы спустя 30 лет после исчезновения единого образования.

Традиционно считалось, что наиболее гармоничные и мирные отношения естественны между подобными (концепцию демократического мира можно считать предельным выражением этой традиции). Соответственно, расширение "общего" (идейного – ценностей и/или практического – интересов) – лучшая база для мирного взаимодействия. Современная практика все чаще опровергает это предположение и дает материал для ровно противоположных обобщений. Разные и устойчивые до степени практически полной индифферентности по отношению друг к другу субъекты не могут иметь конфликтный потенциал, который побуждал бы их к масштабному экзистенциальному противостоянию. А значит – мирное взаимодействие концептуально возможно не только между подобными, но и, напротив, вероятнее между совершенно разными.

DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03

THE CONTEMPORARY WORLD ORDER: THE ADAPTATION OF ACTORS TO STRUCTURAL REALITIES

I.A. Safranchuk[1,2], F.A. Lukyanov[2]

[1] *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

[2] *National Research University Higher School of Economics (HSE University). Moscow, Russia*

SAFRANCHUK, Ivan Alekseevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Center of Euroasian Research, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; **LUKYANOV, Fyodor Alexandrovich**, Research Professor, National Research University Higher School of Economics, email: flukyanov@hse.ru

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. – Polis. Political Studies. 2021. No. 4. P. 14-25. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03

Acknowledgements. I.A. Safranchuk's work on this article was financially supported by MGIMO University, project No. 1921-01-04.

Received: 28.04.2021. Accepted: 17.05.2021

Abstract. This article develops the concept introduced in The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries (Polis. Political Studies. 2021. No. 3). The core structural element of the current world is defined as a mismatch between material globalization and ideational universalism—the former continuing its ascendance while the latter declines. The material interdependence of actors who are ideationally divergent leads to conflictual relations that are not well explained within realist or liberal narratives of International Relations. These realities are not simply transitional, on the way to a new world order, but are sustainable, and taken together constitute the current world order, with its extremely high risks of international conflict. Hence, new approaches are needed for the stabilization of the international system. This article offers a new interpretation of the civilizational approach. While the very notion of civilizations is vague and debatable, the authors outline key features of civilizations that fit the contemporary structural realities. The authors conclude that ideationally resilient civilizations, nearly irrelevant and indifferent to each other, can stay materially interconnected without inclination for securitization of various agendas of their relations.

Keywords: world order, globalization, regionalization, civilizations.

References

Acharya A. 2014. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press. 157 p.

Braudel F. 1995. *A History of Civilizations*. London: Penguin Books. 600 p.

Brzezinski Z. 2004. *The Choice: Global Domination or Global Leadership*. New York: Basic Books. 256 p.

Business as Usual: The Roots of the Global Financial Meltdown. 2011. Ed. by Calhoun C., Derluguian G. New York, London: New York University Press. 312 p.

Cassier E. 2009. *The Philosophy of the Enlightenment*. Princeton, Oxford: Princeton University Press. 392 p.

Chebankova E. 2021. What is Civilisation? Problems and Definitions. – *Civilisations and World Order*. Ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge (forthcoming).

Chebankova E., Dutkiewicz P. 2021. COVID-19 Pandemic and the World Order. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 8-24. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.02

Coker C. 2019. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press. 224 p.

Denisov I. 2016. Chinese and Western Values in Modern Political Discourse in China. – *Social Sciences*. Vol. 47. No. 2. P. 70-79. https://doi.org/10.21557/ssc.46698029

Ferguson N. 2003. *Empire: How Britain Made the Modern World*. London: Penguin Books. 405 p.

Friedman T.L. 2005. *The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. New York: Farrar, Strauss and Giroux. 488 p.

Harvey R. 2003. *Global Disorder: America and the Threat of World Conflict*. London: Basic Books. 352 p.

Hrabina J. 2021. The Year of Crises: How 2020 Will Reshape the Structure of International Relations. – *Russia in Global Affairs*. Vol. 19. No. 1. P. 174-199. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-174-199

Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 368 p.

Hutton W. 2002. *The World We're In*. London: Little Brown. 514 p.

Ikenberry J.G. 2014. The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 80-90.

Kaplan R. D. 2013. *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. New York: Random House. 448 p.

Katzenstein P.J. 1996. Regionalism in Comparative Perspective. – *Cooperation and Conflict*. Vol. 31. No. 2. P. 123-159. https://doi.org/10.1177/0010836796031002001

Kupchan C.A. 2013. *No One's World: The West, the Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York: Oxford University Press. 272 p.

Lieven A. 2020. *Climate Change and the Nation State: The Case for Nationalism in a Warming World*. New York: Oxford University Press. 240 p.

Lukin A. 2014. Eurasion Intergration and the Clash of Values. – *Survival*. Vol. 56. No. 3. C. 43-60. https://doi.org/10.1080/00396338.2014.920144

Mead W.R. 2014. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 3. P. 69-79.

Norris P. 2021. Voters against Democracy. – *Foreign Affairs*. Vol. 100. No. 3. P. 174-178.

Patterson O. 1992. *Freedom Vol. 1: Freedom in the Making of Western Culture*. New York: Basic Books. 516 p.

Petito F. 2016. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Order. – *International Studies Review*. Vol. 18. No. 1. P. 78-91. https://doi.org/10.1093/isr/viv030

Popov V., Sundaram J.K. 2017. Convergence? More Developing Countries Are Catching Up. – *Mapping a New World Order: The Rest beyond the West*. Ed. by V. Popov, P. Dutkiewicz. London: Edward Elgar Publishing. P. 7-22. https://doi.org/10.4337/9781786436481.00007

Safranchuk I. 2020. Globalisation and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony. – *Hegemony and World Order. Reimagining Power in Global Politics* (ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte). New York: Routledge. P. 65-77. https://doi.org/10.4324/9781003037231

Sakwa R. 2020. Multilateralism and Nationalism in an Era of Disruption: The Great Pandemic and International Politics. – *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 3. P. 129-150. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-129-150

Söderbaum F. 2003. Introduction: Theories of New Regionalism. – *Theories of New Regionalism*. Ed. by F. Söderbaum, T. Shaw. London: Palgrave Macmillan. P. 1-22. https://doi.org/10.1057/9781403938794_1

Stiglitz J.E. 2003. *The Roaring Nineties: A New History of the World's Most Prosperous Decade*. New York: W.W. Norton & Company. 379 p.

Stuenkel O. 2016. *Post-Western World. How Emerging Powers are Remaking Global Order*. Cambridge, UK: Polity Press. 251 p.

Sushentsov A.A., Wohlforth W.C. 2020. The Tragedy of US–Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral. – *International Politics*. Vol. 57. P. 427-450. https://doi.org/10.1057/s41311-020-00229-5

Telo M. 2016. *Regionalism in Hard Times: Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa and the Americas*. London: Routledge. 98 p. https://doi.org/10.4314/9781315464251

Toynbee A. 1946. *A Study of History*. Abridgement of vols. 1–6 by D.C. Somervell. New York & London: Oxford University Press. 617 p.

Yang Yifan, Chen Xuechen. 2021. Globalism or Nationalism? The Paradox of Chinese Official Discourse in the Context of the COVID-19 Outbreak. – *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 26. No. 1. P. 89-113. https://doi.org/10.1007/s11366-020-09697-1

Bliakher L. 2021. The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics. – *Journal of International Analytics*. Vol. 12. No. 1. P. 21-34. (In Russ.) https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34

Jaspers K. 1991. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte (Russ. ed.: Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii*. Moscow: Politizdat. 527 p.).

Khoros V.G. 2017. Sozvezdie tsivilizatsii. – *Russia in Global Affairs*. No. 2. P. 173-189. (In Russ.)

Lissovolik Ya. 2019. Regionalizm v global'nom upravlenii: novye podkhody [Regionalism in Global Governance: New Approaches]. – *Valdai Discussion Club. Reports*. (In Russ.) URL: https://ru.valdaiclub.com/files/27333/ (accessed: 01.06.2021).

Lukyanov F.A., Trenin D.V., Kortunov A.V., Sushentsov A.A., Suslov D.V., Silaev N.Yu., Murakhovskii V.I., Safranchuk I.A., Markedonov S.M. 2020. Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions. – *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 2. P. 11-27. (In Russ.) https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27

Markedonov S., Okunev I. 2020. State Integrity and Self-Determination in a World of Problematic Sovereignty. – *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4. P. 1422-1436. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.536

Oleynov A.G. 2018. Economic Future of Globalization. – *MGIMO Review of International Relations*. No. 4. P. 92-106. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. 2021. The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 57-76. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05

Sushentsov A. 2020. Russia's Foreign Policy and Strategic Culture: A Dialogue with William Wohlforth about the Research Paradigm. – *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 2. P. 369-381. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.468

Toynbee A.J. 2001. A Study of History. (Russ. ed.: Toynbee A.J. *Postizhenie istorii. Izbrannoe*. Moscow: Airis-Press; Rolf. 637 p.).

Vorotnikov V., Gribin N., Petlyaeva D., Pimenova E., Yakutova U. 2020. NATO versus PESCO: Economic Aspects. – *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 6. P. 40-50. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50

Литература на русском языке

Бляхер Л.Е. 2021. Издержки глобального лидерства и "соседская" международная политика. – *Международная аналитика*. Т. 12. №. 1. С. 21-34. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34

Воротников В., Грибин Н., Петляева Д., Пименова Е., Якутова У. 2020. НАТО versus PESCO: экономические аспекты. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. №. 6. С. 40-50. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50

Лисоволик Я. 2019. Регионализм в глобальном управлении: новые подходы. – *Международный дискуссионный клуб "Валдай"*. Июнь. URL: https://ru.valdaiclub.com/files/27333/ (accessed: 01.06.2021).

Лукьянов Ф.А., Тренин Д.В., Кортунов А.В., Сушенцов А.А., Сусловд Д.В., Силаев Н.Ю., Мураховский В.И., Сафранчук И.А., Маркедонов С.М. 2020. Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики. – *Международная аналитика*. Т. 11. № 2. С. 11-27. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27

Маркедонов С., Окунев И. 2020. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности. – *Quaestio Rossica*. Т. 8. № 4. С. 1422–1436. https://doi.org/10.15826/qr.2020.4.536

Олейнов А.Г. 2018. Экономическое будущее глобализации. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 4. С. 92-106. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-4-61-92-106

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. 2021. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. – *Полис. Политические исследования*. 2021. № 3. С. 57-76. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05

Сушенцов А.А. 2020. Внешняя политика России и стратегическая культура: диалог с Уильямом Уолфортом об исследовательской парадигме. – *Quaestio Rossica*. Т. 8. № 2. С. 369-381. https://doi.org/10.15826/qr.2020.2.468

Тойнби А.Дж. 2001. *Постижение истории. Избранное*. М.: Айрис-Пресс; Рольф. 637 с.

Хорос В.Г. 2017. Созвездие цивилизаций. – *Россия в глобальной политике*. № 2. С. 173-189.

Ясперс К. 1991. *Смысл и назначение истории*. М.: Издательство политической литературы. 527 с.